

Ладно, мне нужно, чтобы ты проснулся, — прозвучал тихий, но настойчивый голос. Мальчик видел чудесный сон: вокруг него было множество игрушек, гора вкусных угощений, а тетя Туна нежно его обнимала. Дядя Вернон не бил его по голове, и мир казался полным радости. Он любил спать. — Да, парень, это хороший сон, — продолжил голос, — но мне нужно, чтобы ты проснулся. Голос мужчины заставлял сон таять, как утренний туман. Мальчик пытался удержать его, цепляясь за сладкие образы, но сон неумолимо ускользал. — Я не собираюсь уходить, мальчик, — сказал голос. — Меня нет в твоём сне. Тебе нужно открыть глаза. Открыть глаза означало вернуться в тесный, душный шкаф. Проснуться — значит снова почувствовать голод и боль от последнего удара Унки Вернона. Он уже чувствовал, как ноют руки от выдергивания сорняков на огороде тети Туны. От Унки Вернона болела голова, а от сорняков — руки. — Я обещаю тебе, мальчик, что этого больше не повторится. Открой глаза и увидишь, — голос мужчины звучал удивительно мягко, как будто Унка Вернон разговаривал с Даддлсом, а не с ним. Может быть, стоит рискнуть и взглянуть? А если не понравится, он закроет глаза и вернется в сон. — Хорошая идея, малыш. Давай попробуем, — голос словно подбадривал его. Он все еще сомневался, но чувствовал себя странно — будто лежит на спине, утопая в пуховой подушке. Его кровать, старый, вонючий матрас, брошенный тетей Мардж, никогда не была такой мягкой. Может быть, он действительно лежит на чем-то другом? Стоит открыть глаза и посмотреть? — Это очень хорошая идея. Так и сделай, — прошептал голос. Мальчик открыл глаза. Он ожидал увидеть нижнюю часть лестницы, но вместо этого увидел каменную крышу, уходящую далеко вверх. Он огляделся. Он лежал на большой кровати, украшенной красными занавесками, которые держались на толстых деревянных столбах. Вот это да! Он продолжил осматриваться. За открытыми занавесками с каждой стороны кровати виднелись каменные стены, такие же, как крыша. На больших палках, прикрепленных к стенам, горели маленькие огоньки. По крайней мере, они выглядели как большие палки, подумал он, нахмурившись. Огонь — это плохо, если только он не в камине. Он знал, что нельзя играть с огнем. Даддлс играл с ним и поджег ковер, за что его сильно побили — хотя это сделал Даддлс. Он был совсем маленький, но понимал, что несправедливо, что Унка Вернон ударил его, а не Даддлса. — Я развел там костры, парень. И они, кстати, называются факелами, — голос снова раздался, на этот раз оттуда, куда указывали его ноги. Мальчик, едва перешагнувший порог ясельного возраста, приподнялся, чтобы посмотреть, откуда доносится голос. Голос исходил из-за изножья его кровати. Там стоял мужчина. Он мог видеть его сквозь открытые шторы у изножья большой кровати, на которой лежал. По крайней мере, ему показалось, что это был мужчина. Он был одет в странный халат. — Я вижу, ты уже проснулся, мальчик, — сказал мужчина. Мальчик попытался разглядеть его лицо. Он знал, что тот, должно быть, очень, очень стар, потому что у него была белая борода и белые волосы. Он задрал лицо вверх, пытаясь рассмотреть его как следует. — Кто вы, сэр? — спросил мальчик. Он должен был называть всех взрослых мужчин "сэр", а женщин — "мэм", если только они не дядя Вернон, тетя Туна или тетя Мардж. Если он этого не делал, дядя Вернон сильно бил его. — Если хочешь, можешь называть меня "сэр", — сказал мужчина, когда он обошел кровать и встал рядом с мальчиком. Мальчик был рад, что мужчина придвинулся ближе. Так его было легче разглядеть. — Я Фрик! — сказал мальчик, гордо подняв голову. Услышав это, старик поднял брови. — И с чего ты это взял? Мальчик скорчил гримасу, гадая, не обиделся ли на него старик. — Так меня называет тетя Туна, — пробормотал он. — А дядя Вернон, напротив, зовет меня "Мальчик". Старик некоторое время смотрел на него сверху вниз. Мальчик надеялся, что он не сказал ничего такого, что могло бы его расстроить. Он не хотел, чтобы дядя Вернон снова ударил его за то, что он расстроил старика. О чем бы ни думал старик, он вдруг перестал выглядеть расстроенным. — Лад. Ты не урод, и я не буду называть тебя "мальчиком", — ласково сказал старик. — Ни одно из этих двух слов не является твоим именем. — О, — грустно сказал мальчик. Если "урод" и "мальчик" — это не его имя, он задумался, какое же. Он подумал, не "Лад" ли это. — Пойдем со мной, мальчик, — сказал старик, поднимая мальчика с кровати. — И я расскажу тебе все о твоём имени и о том, кто ты такой. Мальчик начал подниматься с

кровати, но затем заколебался.— Ты "странный человек"?" — спросил он. Поколебавшись, старик спросил:— Почему ты спрашиваешь об этом?— Дядя Вернон сказал, что если ко мне подойдет незнакомый человек и скажет или попросит пойти с ним, я пойду, — мальчик увидел, что его слова, похоже, снова разозлили старика. Это его испугало. Но старик сердился совсем недолго, а потом его сердитое лицо снова исчезло. Мальчик кротко сказал: — Простите, сэр, если мои слова вас рассердили.— Все в порядке, парень, — ответил старик, помогая мальчику встать с кровати. — Просто мне не понравилось, что твой дядя Вернон так с тобой разговаривает. Подведя мальчика к комоду, стоящему у одной из стен, он сказал:— Отвечая на твой вопрос, скажу, что я "странный человек". Меня называли гораздо хуже. Опустившись на колени, старик открыл ящик и начал доставать одежду, подходящую для мальчика такого же роста, как и его юный подопечный.— Сначала я избавлю тебя от этих лохмотьев и переодену во что-нибудь получше, — сказал он. — А потом мы пойдем и позавтракаем.— Я тоже? — спросил мальчик, когда старик помог ему переодеться.— Да. И ты тоже. — С мальчиком обращались еще хуже, чем я думал, — подумал старик. — Надо было раньше взять его к себе. Мальчик весело спросил:— А потом вы отвезете меня к тете Туне и дяде Вернону? Тетя Туна захочет, чтобы я помог ей с завтраком. Остановившись, чтобы закончить одевать своего подопечного, старик сказал:— Нет, парень. Теперь ты будешь жить здесь. И тебе не придется помогать ни в чем подобном.— Хорошо, — сказал юноша. Если он теперь будет жить "здесь" — и ему не придется помогать с завтраком, обедом или ужином, — он задумался, какие еще обязанности ему придется выполнять.— Я по-прежнему буду выдергивать сорняки? — спросил он.— Нет, парень, — добродушно ответил старик. — Большую часть времени ты будешь учиться и играть. И чем больше ты будешь учиться, тем больше ты будешь играть. Глаза мальчика зажглись, словно угольки в очаге. — Вот это да! — вырвалось у него. — С игрушками и всем остальным?— Да, — ответил старик, лучистая улыбка озарила его морщинистое лицо. — С игрушками и всем остальным. Маленький Гарри был вне себя от счастья. Он уже чувствовал, что полюбит эту жизнь. Гораздо приятнее, чем жить с тетей и дядей, которые его не любили.— Мы можем начать после завтрака? — нетерпеливо спросил он. Старик поднялся и, взяв мальчика за руку, повел его к двери. — Ну, мы можем начать изучать некоторые вещи уже сейчас, — сказал он, — и даже пока мы завтракаем.— Ого! — воскликнул Гарри, его глаза блестели от предвкушения.— Для начала, — сказал старик, выводя мальчика на порог, — меня зовут Мирддин Эмрис, и я помогу тебе сделать кое-что очень важное, когда ты подрастешь. А тебя зовут Гарри Джеймс Поттер. Сегодня у тебя день рождения. Сегодня тебе исполнилось четыре года. С днем рождения!